

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА.¹

[80]

Здѣсь чувствуется необходимость въ хорошо организованномъ художественно-философскомъ клубѣ, гдѣ бы могли сходиться всѣ сочувствующіе новымъ культурнымъ вѣяніямъ литераторы, художники, композиторы, артисты. Такой клубъ несомнѣнно имѣлъ бы теперь большой успѣхъ въ избранныхъ кружкахъ Петербурга. Доказательствомъ тому служатъ еженедѣльные многолюдныя и очень интересныя собранія въ этомъ году по средамъ у поэта Вячеслава Иванова и Л. Д. Зиновьевой-Аннибалъ. Интересъ, проявленный къ этимъ „средамъ” въ кругу литераторовъ, художниковъ, артистовъ и музыкантовъ преимущественно новаго направленія, а также среди нѣкоторыхъ представителей официальной науки, слѣдуетъ отнести не только къ личнымъ качествамъ радушныхъ и высоко-культурныхъ хозяевъ. Большая доля успѣха собраній у Вяч. Иванова лежитъ въ несомнѣнно назрѣвшей у насъ необходимости обмена мнѣній между представителями разныхъ отраслей искусства и науки.

То, что въ большой публикѣ извѣстно подъ именемъ „декадентства”, давно уже пережито лучшими его представителями и отошло въ прошлое. Если натурализмъ—тезисъ, то декадентство—антитезисъ. Началомъ синтеза является новое искусство въ его теперешнемъ состояніи. Знаменательно, что въ нынѣшнее время не только среди литераторовъ, но и среди представителей прочихъ отраслей культурнаго проявленія человѣческаго духа замѣтна склонность если не къ философіи, то къ философствованію. Причина такой склонности лежитъ въ безсознательномъ стремленіи современной души, чующей новые пути въ искусствѣ, къ самоопредѣленію, въ желаніи выяснить

¹ Конст. Сюннерберг, «Художественная жизнь Петербурга», *Золотое руно*, 1906, №4, 80-83.

себѣ самой свое внутреннее содержаніе, въ попыткѣ познать себя самое. На это указываетъ и выборъ темъ, собиравшихъ въ теченіе минувшей зимы каждую недѣлю многолюдное общество, состоявшее часто изъ представителей очень разнообразныхъ культурныхъ лагерей. Вотъ нѣкоторыя изъ темъ, обсуждавшихся на „средахъ” у Вяч. Иванова: „искусство и социализмъ”, „романтизмъ и современная душа”, „счастье”, „индивидуализмъ и новое искусство”, „актеръ будущаго”, „религія и мистика”, „одиночество”, „мистическій анархизмъ”.

Конечно, подобнаго рода собесѣдованія неминуемо должны будутъ измѣнить свою физиономію въ клубѣ, съ его болѣе или менѣе официальными рамками. Но особенно бояться этого, по-моему, нечего: въ случаѣ надобности можно всегда „выйти изъ рамокъ”. Зато кружокъ адептовъ новаго искусства и новой культуры будетъ имѣть болѣе широкій районъ распространенія своихъ идей и вѣрованій

Однимъ изъ признаковъ назрѣвшей у насъ необходимости единенія между художниками и литераторами-художниками слова и совмѣстной ихъ работы служить нарождаю-

[81]

щійся въ Петербургѣ художественный сатирический журналъ „Адская Почта”.

Имена участвующихъ въ этомъ изданіи художниковъ говорятъ въ пользу того, что журналъ будетъ несомнѣнно интереснымъ и безусловно художественнымъ во всемъ, что касается изобразительныхъ искусствъ. Художники—большинство участниковъ „Жупела”—сдѣлаютъ свое дѣло. Они успѣли уже показать себя въ качествѣ талантливыхъ каррикатуристовъ и сатириковъ на страницахъ этого безвременно погибшаго журнала, которому не суждено было видѣть свѣтъ далѣе третьяго номера. Что касается литераторовъ,

то, несмотря на участіе среди нихъ многихъ извѣстныхъ именъ, несмотря на пополненіе состава писателей „Адской Почты” подлинными художниками слова, которыхъ не такъ ужъ много было въ „Жупелѣ”,—все же невольно побиваешься, какъ бы не повторились въ „Адской Почтѣ” тѣ же досадныя недоразумѣнія, какія встрѣчались иногда на страницахъ „Жупела”. Дѣло въ томъ, что въ подобнаго рода журналахъ литератору гораздо легче сбиться на газетный тонъ, чѣмъ художнику. Публицистическій элементъ и былъ той досадной ложкой дегтю, которая могла испортить цѣлую бочку не только меду, но и адской сѣры.

Сатирическому журналу, желающему быть подлинно художественнымъ, слѣдуетъ помнить о такихъ виртуозахъ слова, какими были, напримѣръ, Ювеналь и Джонатанъ Свифтъ, и забыть о томъ, что существуютъ на свѣтѣ газеты и полицейскіе протоколы. Я не хочу этимъ сказать, что пишущій на злобу дня долженъ витать въ облакахъ какимъ-то серафимомъ. Нѣтъ. Пусть онъ читаетъ газеты и полицейскіе протоколы, пусть интересуется публицистикой, пусть живетъ, какъ всѣ, въ пыли жизни. Но пусть онъ беретъ отъ этого жизненнаго матеріала лишь содержаніе, лишь „что”, но ничуть не форму, не „какъ”. Пусть художникъ слова будетъ дѣйствительно художникомъ и не подражаетъ публицисту, поневолѣ иногда принужденному безъ особой разборчивости относиться къ той формѣ, въ какую вкладываетъ онъ свои мысли. Мало ли въ газетахъ констатируется насилій, мало ли пишется протестовъ, мало ли печатается обличительныхъ статей-протоколовъ и въ прозѣ и въ стихахъ, по большей части не имѣющихъ ничего общаго съ поэзіей?—Въ газетахъ все это умѣстно и, несмотря на уродливость формы, пріемлемо уже потому, что часто бываетъ полезно. Но въ художественномъ журналѣ пренебреженіе формой ради хлесткой мысли преступно. Потому, когда рядомъ съ прекраснымъ и ядовитымъ рисункомъ талантливаго

художника я читаю наиобличительнѣйшія вирши, гдѣ въ самомъ патетическомъ мѣстѣ „корова” пресерьезнымъ образомъ рифмуется съ „вороной” или „кошмарный” имѣетъ претензію рифмовать съ „неравный”, — тутъ мнѣ становится невмоготу: точно только что выпилъ цѣлую ложку дегтю, притомъ безъ всякаго меду.

Въ художественномъ сатирическомъ журналѣ я не ищу ни меду, ни дегтю, ни сѣры, но яду,—яду свободной насмѣшки. Ея истинно разрушительное дѣйствіе сказывается лишь тогда, когда она издѣвается на вольномъ и безупреч-

[82]

номъ языкѣ свободной красоты, на томъ самомъ языкѣ, который былъ столь мощнымъ орудіемъ въ рукахъ Ювенала, Петронія, Свифта, Карлейля, Жанъ-Поль-Рихтера. Чтобы больно стегать пошлость, надо бичъ насмѣшки надѣть на рукоятку красоты, полезный же для понуканія лошадей извозчичій кнутъ лучше оставить извозчикамъ.

Человѣческую пошлость бичуетъ ничуть не содержаніе насмѣшки, но мѣтко подысканная къ данному содержанію художественная форма. Ядъ любой остроты таится не въ давнымъ-давно извѣстной мысли, но въ насмѣшливомъ тонѣ во-время вставленной и удачно сказанной фразы. И я думаю, что надъ пошlostью болѣе всего издѣвается не истина, не справедливость, но красота.—Не потому ли, что обыденное человѣческое пониманіе истины и справедливости часто сродни „безсмертной пошлости людской”?..

Литераторы стараго направленія, не свободные отъ узкихъ рамокъ утилитаризма, едва ли смогутъ, да и едва ли захотятъ избавиться отъ публицистическаго взгляда на свою работу въ „Адской Почтѣ”. Потому руководство литературной стороной нарождающагося журнала непременно должно принадлежать литераторамъ направленія новаго: ху-

дожникамъ слова *par excellence*. Только при такихъ условіяхъ приведенныя выше опасенія окажутся неосновательными.

Въ настоящее время въ Петербургѣ продается драгоцѣнная коллекція византійскихъ эмалей X и XI вѣка, принадлежащая наслѣдникамъ извѣстнаго коллекціонера А. В. Звенигородскаго. По мнѣнію авторитетныхъ знатоковъ византійскаго искусства, коллекція эта можетъ считаться самою замѣчательною въ Европѣ какъ по количеству предметовъ, такъ и по совершенству ихъ работы.

Центромъ коллекціи являются 11 круглыхъ иконъ-медальоновъ замѣчательной красоты, составлявшихъ нѣкогда убранство большой иконы архангела Гавріила въ монастырѣ Джумати въ Грузіи. По силѣ выраженія наиболѣе цѣннымъ является медальонъ, изображающій Іоанна Предтечу. Вотъ что говоритъ о послѣднемъ проф. Кондаковъ, признаваемый среди европейскихъ ученыхъ первымъ знатокомъ византійскаго искусства: „Здѣсь все, отъ тощей, но мощной фйгуры до контура головы и чертъ лица, имѣетъ назначеніе передать общій типъ аскета. Косматая шапка волосъ, небольшая борода, падающая отдѣльными прядями, и тотъ поворотъ головы, который выражаетъ намъ и стойкость убѣжденій, и горячую натуру подвижника—все соединяется въ одно цѣлое изъ искусно подобранныхъ и соединенныхъ вмѣстѣ немногихъ характерныхъ чертъ. Трудно отыскать такія типичныя черты въ оригинальномъ духовномъ складѣ чистаго аскета, но еще труднѣе усвоить и сохранить ихъ, и это мы видимъ изъ того, что даже древне-русское искусство, столь богатое подобными типами, не представляетъ для Іоанна Предтечи достойнаго ему образа”.—По красотѣ тоновъ особенно выдѣляется въ коллекціи изображеніе св. Петра: чудное сочетаніе зеленовато-сѣраго оттѣнка сѣдыхъ волосъ съ красноватымъ тономъ загорѣлаго лица. Прекрасны также

[83]

изображенія св. Георгія и Димитрія, гдѣ тонкость и изящество техинки перегородчатой эмали доведены до совершенства.

Несомнѣнно, право преимущественной покупки этого цѣннаго собранія эмалей должно принадлежать Россіи. Но къ сожаленію такія чиновничьи „заведенія”, какъ Императорскій Эрмитажъ, смотрятъ на подобнаго рода право скорѣе какъ на досадную обязанность. Впрочемъ, по нынѣшнимъ временамъ, если бы даже правительство и захотѣло приобрѣсти коллекцію, ему пришлось бы, пожалуй, дѣлать новый внѣшній заемъ на ростовщическихъ основаніяхъ, а это, повидимому, не такъ-то легко дается и очень дорого стоитъ,

Такимъ образомъ, если только эмали не будутъ куплены для какой-нибудь частной коллекціи въ Россіи, имъ суждено перейти въ руки иностранцевъ. Это тѣмъ болѣе жалко, что у насъ есть вѣдь искренно-любящіе старое искусство люди. Взять хотя бы старообрядцевъ съ ихъ денежными средствами и, главное, съ ихъ истовой любовью къ этого рода искусству.

Конст. Сюннербергъ.

10 апрѣля 1906. С.-Петербургъ.